
«ЧЕЛОВЕК МОЛЧАЩИЙ» КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ*

Т.В. Катюхина

Исследование человека как существа молчащего является для философии важным и значимым, но и весьма затруднительным, ибо как можно говорить о том, что само по себе словесно невыразимо.

Существует уже давно известная мысль, высказанная Парменидом, что то, что не может быть выражено в слове, не существует. Соответственно, и молчание становится равнозначно отсутствию информации о чем-либо, ибо молчание ни о чем не говорит и потому не может нести в себе никакой значимой ценности. Если следовать этому положению, то все, что не поддается толкованию и разъяснению, есть просто несовершенное проявление человеческого бытия.

Таким образом, «греки научили нас мыслить мыслимое, предупредив, что мыслить немислимое нельзя», и сделали принцип тождества бытия и мышления своего рода «входным билетом в философию» [3. С. 9]. И теперь получается так, что границы твоего сознания, познания и вообще твоего Я всегда будут очерчены только языком. В трактовке Л. Витгенштейна эта идея звучит так — «Границы моего языка означают границы моего мира» [4. С. 56]. И тогда получается, что всегда можно сказать то, что хочется. Но как же тогда быть с тютчевской строкой «мысль изреченная есть ложь», или со строкой В.А. Жуковского «и лишь молчание понятно говорит», или с чувством необычайного восторга от увиденного, когда явно понимаешь, что язык в этот момент не властен над тобой, он просто лишний? Вся эмоциональная, творческая сторона человеческой природы показывает нам ограниченность языка, его неспособность выразить все полноту внутреннего мира человека, когда, лишь посмотрев друг другу в глаза, люди могут узнать друг о друге больше, чем это скажут слова.

Ярким примером продолжения этой темы может служить рассмотрение мира искусства как мира образов, эмоций, воображения, где все можно понять без слов, где перед человеком воссоздается иная реальность, нежели в мире слов. Это как раз говорит о том, что мы понимаем больше, чем это позволяет нам выразить язык. Очень часто бывает такое, что слова не просто не нужны нам для понимания — они мешают нам в этом.

Интерес к теме молчания появился не в современной философии; истоки этого процесса мы можем обнаружить в греческой философии. Молчание могло рассматриваться как испытание или наказание человека. Примером такого рода наказания может служить греческий миф о нимфе Эхо. Последняя была наказана Герой за излишнюю болтовню. Она сделала так, что Эхо могла произносить только окончания слов, не зная их начала. Хотя голос Эхо и был сохранен, он звучал только отзвуком чужих слов. Тем самым голос и сохранялся, но смысл произносимого был отнят.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 07-06-00066А.

Тема молчания нашла широкое развитие в традиции скептицизма. А.Ф. Лосев писал о том, что скептицизм реагирует молчанием на жизнь и, несмотря на наличие определенного числа дозволенных для него суждений, смысл этих суждений тоже сокрыт в молчании. Это своего рода «невывыказывание», о котором говорит Секст Эмпирик. На все вопросы, которые звучат в адрес скептиков, они отвечают молчанием. Лосев пишет о том, что эти мудрецы обошли всю землю и небо, познали все тайны и тонкости человеческой мысли и могут помочь просящему его о помощи только одним — молчанием. В этом заключается их мудрость, ибо молчат они не потому, что им нечего сказать, а потому что им «известна суетность всякого слова и мысли, что жизнь гораздо глубже слова и мысли, что и бытие глубже самого человеческого сознания» [6. Т. 5. С. 135].

Молчание для них — это ответ на кричащие запросы жизни. Здесь Лосев признает, что молчание скептика — это не отсутствие ответа, а один из сложных и глубоких философских ответов. Оно не тягостно, а безотраднo и безмысленно, как сама жизнь. Такая трактовка молчания вызывает раз вопросов: во-первых, разве это возможно — познать все тайны мира и человеческой мысли, даже если ты считаешься мудрецом? Тогда будет неинтересно жить, ибо все будет означено и познано, и даже человеческая мысль, что кажется еще более невероятным. Ведь познать человека — это значит ограничить его, отвести ему четкое место и сказать — вот границы твоего существования, они определены уже до тебя, ибо я (мудрец) знаю все твои мысли и действия, и поэтому отвечаю тебе молчанием. Во-вторых, непонятно, что вкладывается в понятие «жизнь», которая глубже не только слова, но и мысли; возможно, имеется в виду некое онтологическое понятие, как, к примеру, идея блага у Платона. И, в-третьих, если бытие глубже человеческого сознания, то человек представляется какой-то случайной и малозначимой единицей этого мира.

Таким образом, первое знакомство с темой молчания вызывает ряд вопросов, и основной из них — что же все-таки такое молчание?

Как испытание молчание практиковалось в школе Пифагора, где первой ступенью обучения было послушничество, длившееся от 2 до 5 лет.

Послушники в процессе обучения должны были соблюдать абсолютное молчание, не имели права возражать и расспрашивать своих учителей. Они должны были принимать поучения с молчаливым уважением и долго размышлять над ними в одиночестве. Таким образом Пифагор стремился развить в своих учениках интуицию. В Элевсинских мистериях основной формой прозрения и наставления была «молчаливая проповедь». Участники этих мистерий были едины в своем понимании происходящего. В этих мистериях имели место лишь отдельные литургические восклицания, но не было ничего напоминающего речь. Эта безмолвная инициация вела к обретению знания, которое не нужно, да и не возможно было перевести в слова. Участник мистерий созерцал и пассивно переживал сверхиндивидуальное; он чувствовал себя в безопасности и был счастлив, когда достигал безмолвной мудрости. Он переживал нечто большее, чем индивидуальную судьбу: он переживал судьбу органической жизни в целом как свою собственную. Однако это знание не принимало словесной формы. Если бы это случилось, то опыт

переживания единства бесконечного и собственного бытия выражался бы как индивидуальный опыт.

В христианстве молчание ценилось достаточно высоко. Здесь внешнее безмолвие оказывается прикрытием внутреннего диалогического общения с Абсолютом. Молчание является «условием «другого разговора» — общения с Богом и Природой, их прямого познания» [7. С. 114]. Жизнь в единении с Богом порождает феномен исихазма (от древнегреческого *ισυχία* — «спокойствие, тишина, уединение»). Значительная часть идей исихазма была сформулирована еще Отцами Церкви в первом тысячелетии. Большая их часть представляла собой мистические монашеские практики. Основным теоретиком исихазма стал св. Григорий Палама, учение которого было признано официальной доктриной православия. Из Византии исихазм распространился и на Русь (Нил Сорский, Сергей Радонежский и др.). Исихазм — это мистическая практика богосозерцания путем молитвенного самоуглубления, духовного «внутреннего» узрения. Как писал Григорий Палама: «исихаст есть старающийся заключить в своем теле бестелесное».

Исихасты утверждают, что энергия Бога пронзает весь мир, и исихасты зрят несотворенное и невещественное излучение Бога.

В основе исихазма лежит понятие «умное делание», которое заключается в постоянном чтении про себя или вслух покаянной молитвы. Известный мистик и святой VII века преп. Исаак Сириянин сказал, что молчание — таинство будущего века, и поэтому исихазм открыт Грядущему в вечности.

На основе византийского исихазма на Руси возник институт отшельничества. Отшельник обрекает себя на добровольную изоляцию и молчание с целью постижения внутреннего смысла бытия. Некоторые из них называли себя молчалиниками и добровольно накладывали на себя обет немоты. Это являлось целью достижения внутреннего прозрения и одновременно своего рода испытанием. Если исихазм — это традиция отречения от мирской суеты и суетных речей, и обет молчания приносит здесь речь в жертву безмолвию, то возникает вопрос: почему же тогда все-таки допускается словесная молитва и возможно ли в таком случае полностью принести речь в жертву молчанию?

В современной философии мы также можем наблюдать неугасающий интерес к теме молчания. Среди отечественных исследователей темы молчания следует отметить работу В.В. Бибикина «Язык философии».

Автор с самого начала акцентирует внимание на том, что человек мог и не говорить, ибо язык начинается с выбора: говорить или не говорить; выбирая последнее, выбирается слово, не боящееся окунуться в свое молчание. Поэтому можно молчать, когда есть что сказать, молчание здесь предстает как утаивание, но можно дать голос молчанию, и тогда человек хранит «слово, испытанное порогом молчания. Слово о несказанном» [5. С. 34].

Молчать способен только человек, только он может удержать тишину словом и всей своей жизнью. Слово и молчание, по мнению философа, не борются, а держатся друг другом. Но все же человек есть существо языковое, и молчание для него открывается только в языке, к нему он может выйти только через язык.

А как же тогда быть с искусством, где молчание проявляет себя в полной мере и не нуждается в поддержке слов, или как быть с переполняющими человека чувствами, когда их словесное обрамление только утратит их смысл?

Следует отметить еще одну работу отечественного исследователя, а именно работу Н.Т. Абрамовой «Несловесное мышление», где акт молчания представляет собой коммуникативные средства человека и при этом несет знаковую природу, что приравнивает его пусть к нулевому, но акту речи. Автор приводит примеры различных типов молчания, что говорит исключительно о коммуникативной нагрузке молчания. Далее автор приводит различные классификации актов молчания, выделяя их коммуникативные функции.

Для Дж. Йенсена это классификации связи, воздействия, узнавания, суждения, действия. Для Т. Брюно — психолингвистическая, социокультурная, интерактивная форма молчания. В.В. Богданов указывает на 3 основных функции молчания: ролемаркирующую, под которой понимается смена коммуникативных ролей, информативную и синтактико-конструктивную.

В работе С.В. Крестинского — это контактная функция, когда слово оказывается лишним; дисконтактная функция, когда происходит изоляция людей друг от друга; эмотивная функция как передача эмоционального состояния, информативная, стратегическая и др. Однако этими функциями, по мнению Крестинского, рассмотрение темы молчания не ограничивается. Таким образом, основная цель работы Абрамовой — это показать значимость молчания как одного из элементов коммуникации, имеющих знаковую природу. Но такой подход к теме молчания ограничивает человека исключительно его социальной природой и не дает возможность понять глубину внутреннего мира человека и природу молчания, сокрытую в самом человеке, а не в его социальности. Однако знаковый характер молчания приравнивает его к речи и ограничивает сферы проявления молчания.

Рассмотрение молчания сквозь призму коммуникации продолжает еще один отечественный исследователь К.А. Богданов в своей монографии «Очерки по антропологии молчания».

Автор осуществляет психосоциоллингвистический подход к молчанию, рассматриваемому как особая коммуникативная стратегия в рамках языкового опыта. Описываются актуальные подходы к молчанию в традициях литературного, фольклорно-этнографического, религиозного и социо-политологического дискурса. Обосновывается авторская концепция, генерализирующая сущностные и специфические характеристики молчания в сфере индивидуальной и общественной психологии: опыт «иного» и его роль в повседневном.

В статье Н.Д. Арутюновой «Молчание: контексты употребления» автор рассматривает разные аспекты проявления молчания: молчание в коммуникативном аспекте, в психологическом, в религиозно-мистическом, эстетическом аспектах. Автор приходит к выводам, что в зависимости от контекста молчание может быть приравнено к речевому акту или форме поведения, к поступку; оно может быть симптомом душевного неблагополучия. Молчание влечет за собой отказ от мирской суеты ради прямого познания, оно может быть вызвано ощущением бесси-

лия слов перед духовной или природной красотой мира. Во всех этих аспектах молчание приобретает либо коммуникативную окраску, либо расценивается как отступление от естественной для человека речевой деятельности, либо является элементом духовного мира человека. Но нигде не говорится о молчании как о том, где формируется внутренний мир человека, его сознание, его голос, а не чей-то другой. Молчание — это то, где человеку хорошо и комфортно; это не означает, что он душевно болен, это означает, что он нашел свое место, и для этого ему не нужно было вступать в коммуникацию, ибо не социальная среда дает человеку его место и имя, это происходит внутри человека.

В русской поэзии тема молчания нашла очень широкое проявление. Это простое счастливое молчание человека, любящегося спящей женщиной, ее безмолвным сном (в стихотворении Тютчева «Вчера, в мечтах обвороченных...»); это безмолвное восхищение красотой природы (в творчестве Жуковского); это попытка обрести безмолвие в своей душе, понять себя (у Тютчева); это возвращение к изначальной немоте, которая была утрачена словом (в творчестве Мандельштама); это и путь к сокровенному, религиозному безмолвию, к бессловесному общению душ (у Цветаевой). Основная идея авторов — показать бессилия слов перед духовной или природной красотой мира.

Из зарубежных философов следует обратить внимание на Л. Витгенштейна, который в своем «Логико-философском трактате» касается темы молчания. Она выражена в одном из самых запоминающихся и ярких афоризмов его работы: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [4. С. 73]. На первый взгляд, молчание начинается там, где заканчивается речь. В таком случае, по-видимому, имеется в виду сакральная, мистическая сторона человеческой жизни, для которой не всегда подходит словесная форма. Но возможно и другое истолкование этого афоризма, а именно что слово должно испытать свою тишину, испытать порог молчания, и тогда уже слово и молчание не исключают друг друга, а сосуществуют и дополняют друг друга. Этот момент подметил в своей работе «Слово и молчание в русской культуре» М. Эпштейн.

Философ замечает, что само построение этого афоризма, связь его первой и второй частей объединяет молчание с говорением и тем самым ставит под сомнение то, что хотел сказать автор. Значит, у молчания и речи есть нечто общее, какой-то общий предмет. Именно невозможность говорить о чем-то делает возможным молчание о том же самом. Получается, что молчание получает свое развитие от разговора и становится дальнейшей формой его проявления, его внесловесного произнесения. Если бы не было речи, не было бы и молчания — не о чем было бы молчать. Речь не просто отрицается или прекращается молчанием — она продолжается в молчании, но по-новому, она создает возможность существования молчания, определяет то, о чем молчат. Здесь мы видим продолжение идеи о том, что человек — существо языковое и поэтому речь присуща ему до молчания. В связи с этими положениями можно также поставить ряд вопросов: почему отсутствие речи может сказаться на отсутствии молчания, ибо человек есть первое говорящее, но и первое молчащее существо? Почему именно речь определяет то, о чем молчат, и что же в таком случае представляет собой это послесловесное молчание?

В своей книге «Бытие и время» М. Хайдеггер поясняет, что молчание — это сущностная возможность речи, имеющая собственный экзистенциальный фундамент. «Кто никогда ничего не говорил, не способен в данный момент и молчать. Только в настоящей речи возможно собственное молчание» [8. С. 165]. Таким образом, язык составляет ближайшее окружение человека, и только он делает человека таковым. А как же мир образов, фантазий, воображения, когда человек творит, не нуждаясь в словах? Вспомним Библию, который говорил о том, что человек мог и не заговорить. Тогда возникает вопрос: стал бы в таком случае человек человеком? Или же доминирование словесного убивает в человеке человеческое, постоянно раскрывает его тайну, превращая его в изученную машину? Позднее у Хайдеггера просматривается смена мест языка и молчания. Теперь язык станет основываться внутри молчания, а молчание превратится в своего рода скрытое «вымеривание» меры.

Таким образом, во всех рассмотренных аспектах молчание истолковывается либо как нечто непостижимое, невыразимое, трансцендентное — некая безмолвная основа бытия, либо как безмолвное говорение, стоящее в преддверии вербализации, либо как средство коммуникативной деятельности, проявляющееся в разных аспектах.

Но очень мало говорится о молчании как о том, где формируется внутренний мир человека, его сознание, его голос, а не чей-то другой. Молчание — это то, где человеку хорошо и комфортно, и это не означает, что он душевно болен, это означает, что он нашел свое место, и для этого ему не нужно было вступать в коммуникацию, ибо не социальная среда дает человеку его место и имя: это происходит внутри человека.

Молчание говорит без слов, и эта бессловесность весомее слова. Слово обычно состоит из законченных смыслов и значений, готовых к употреблению, а мысль — это всегда уход от готовых смыслов, поэтому она существует не только в слове, но и дословном, в молчании. Именно поэтому, когда человек говорит, то он говорит свое слово, ибо его исток в молчании.

В современном мире язык не является опорой человека, слова постоянно вводят нас в заблуждение. Отказ от языка, от его пустых слов делает нашу речь косвенной, и поэтому молчание превращается в наиболее подходящую форму языкового существования человека, но при этом человек становится одиноким. Ведь для того чтобы быть собой, чтобы найти себя, нужно быть одиноким. И поэтому говорить свободно может только тот, кто говорит наедине с собой, а в постоянной коммуникации человек не знает тишины одиночества, не знает, что молчание говорит без слов, но именно здесь человек обретает себя.

Как это ни парадоксально, но молчание, пауза оказывается весомее слова. В свою очередь, молчание языка сопровождается молчанием самого человека. Язык и человек обретают самостоятельное бытие (об этом говорил еще М. Хайдеггер), и оба пытаются заполнить образовавшуюся паузу. Поэтому, «заполнение паузы человеческим в человеке составляет содержание новой антропологии, полагающей сон языка. Пока спит язык, человек косноязычит в паузе языка... ибо пока молчит язык, говорит что-то человеческое» [10. С. 165]. А это значит, что

язык никогда не может нам точно описать человека и сказать, кто он есть. Эта новая философия полагает себя именно в дословном. «Пауза — это то, что делает человека человеком» [10. С. 165]. Человек — это не то, что предназначено для чтения другим. Я — это всегда что-то сверхсказанное, но и в то же время недосказанное. Именно поэтому человек — это то, о чем язык молчит, а значит, человек никогда не может быть завершен и не существует одного универсального языка описания человека. А это значит, что язык не может помочь человеку стать собой, он только растворяет тебя в себе. «Человек не язык. Если бы он был языком, то не было бы непонимания. А оно есть» [10. С. 169]. Но эта неопределенность человека создает простор для постоянного поиска пути к себе, для неугасающего стремления завершить себя, но не с помощью языка, а с помощью себя самого, с помощью дословного.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Шелер М.* Избранные произведения. — М., 1994.
- [2] *Фуко М.* Археология знания. — Киев, 1996.
- [3] *Гиренок Ф.И.* Удовольствие мыслить иначе. — М., 2008.
- [4] *Витгенштейн Л.* Философские работы. — М., 1994.
- [5] *Бибихин В.В.* Язык философии. — СПб, 2007.
- [6] *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. — М., 1979.
- [7] Логический анализ языка: язык речевых действий. — М., 1994.
- [8] *Хайдеггер М.* Бытие и время. — СПб., 2006.
- [9] *Хайдеггер М.* Язык. — СПб., 1991 // www.lib.ru
- [10] *Гиренок Ф.И.* Философский манифест археоавангарда // *Философия хозяйства*. — 2001. — № 2.
- [11] *Всемирная энциклопедия. Философия*. — М., 2001.
- [12] *Богданов К.А.* Очерк по антропологии молчания. — СПб, 1998.
- [13] *Абрамова Н.Т.* Несловесное мышление. — М., 2002.

«SILENT HUMAN» AS THE SUBJECT OF STUDY OF PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

T.V. Katyukhina